

Вернувшись в общежитие, Хэ Шу уже не испытывал ни малейшего желания бродить по кампусу. С самой встречи с Дуань Чэнханем он пребывал на пределе, и теперь у него совсем не осталось сил — хотелось лишь смыть пот, сорвать с себя пропахшую дымом одежду и забиться в постель, чтобы немного поспать.

Комнаты в художественном корпусе были оборудованы собственными ванными и просторными балконами, так что не приходилось, как в старом общежитии, ходить в общую баню и обнажаться перед целой толпой парней.

У высокой стоимости имелись свои плюсы, и на данный момент Хэ Шу был вполне доволен университетом и условиями.

Недолго думая, Хэ Шу стянул пропахшую табачным дымом футболку вместе с брюками, засунул ноги в шлёпанцы и юркнул в ванную, чтобы ополоснуться.

Он понятия не имел, сможет ли Дуань Чэнхань принять его сегодняшние слёзные объяснения. В любом случае, всё, что следовало сказать, он уже сказал. Лучшим исходом было бы, если бы Дуань Чэнхань потерял интерес и сам сбежал из Пекинского университета — в конце концов, с его возможностями это было вполне осуществимо.

А если он не уйдёт...

Хэ Шу замер на середине движения, намыливая голову.

Если тот не уйдёт, поделать он ничего не сможет. В конце концов, его только что заселили в эту комнату, не идти же снова к куратору просить о переселении.

Придётся просто держаться от него подальше. К тому же они учатся на разных специальностях, в худшем случае будут пересекаться по вечерам в комнате...

На мытьё ушло около получаса. Но уже вытеревшись насухо, Хэ Шу внезапно вспомнил об одной проблеме.

Он забыл взять с собой сменную одежду.

Оглянувшись, он обнаружил, что единственные оставшиеся трусы уже плавают в тазу в мыльной воде. Выходить в таком виде было явно нереально. Хэ Шу почесал в затылке: хоть в комнате никого не было, сверкать голым задом ему тоже не улыбалось, да и окно на балконе было открыто — больно неприлично...

Хэ Шу промялся вот так голышом минут пять, пока наконец не решился. Затянув на талии большое банное полотенце, которое он купил ранее, чтобы сушить волосы, он обмотал его почти в три слоя, прежде чем завязать. Бормоча под нос, он подумал: «Надо же, до чего я

сейчас худой, после этого придётся есть побольше».

С этими словами Хэ Шу распахнул дверь ванной. С просторного и светлого балкона повеяло прохладным ветерком, от которого по коже побежали мурашки. Он втянул голову в плечи и только успел захлопнуть дверь ванной, как дверь в комнату сбоку неожиданно распахнулась.

Белоснежное тело Хэ Шу словно врезалось в глаза Дуань Чэнханю.

Тот явно замер, его взгляд невольно опустился ниже:

— Ты...

Лицо Хэ Шу мгновенно залилось краской. С чего это тот вдруг вернулся?!

Нет, он вовсе не кокетничал, просто... просто ему было неловко до крайности. Незнающий человек мог бы подумать, что у него какая-то странная страсть разгуливать без одежды — ведь они в комнате общежития, а он мало того что раздетый, так ещё и в одно полотенце замотался...

Наверное, он слишком много надумывал, но сейчас у него появилось странное ощущение, будто он превратился в какого-нибудь властного генерального директора, который моется в отеле и дефилирует голышом, пытаясь покрасоваться...

В этот момент он уже напрочь забыл о неловком инциденте, произошедшем между ним и псом Дуанем чуть ранее, и автоматически выдал:

— Ты меня напугал... Чего это ты вдруг вернулся?..

Дуань Чэнхань молчал. Его глаза были прикованы к розоватому оттенку на чистой белой коже, словно на него навели какое-то заклятие, и он совершенно не воспринимал никаких звуков.

Его взгляд скользил сверху вниз по каждому дюйму кожи юноши. Пропорциональная и белоснежная фигура во всей красе демонстрировала юношескую незрелость Хэ Шу, а взгляд постепенно опускался всё ниже, пока окончательно не скрылся за краем туго завязанного банного полотенца...

Хэ Шу чувствовал себя крайне неудобно под этим взглядом. Голый, не прикрытый ничем взор Дуань Чэнханя словно норовил содрать с него всю одежду. К тому же, даже будь он стопроцентным гетеросексуалом, вряд ли бы стал спокойно терпеть, когда ему так бесстыдно пялятся на грудь.

Странно как-то.

Хэ Шу с лёгким дискомфортом развернулся вполоборота, инстинктивно желая прикрыть грудь руками, но тут же подумал, что это будет выглядеть слишком жеманно и наигранно, словно он в чём-то виноват. В конце концов, для парня обнажить торс — дело вполне нормальное...

Подавив непреодолимый импульс прикрыться руками, он с напускной невозмутимостью зашагал к своей кровати.

Не успел он коснуться стула, как сзади повеяло холодом. Дуань Чэнхань с громким стуком захлопнул дверь комнаты и стремительно пронёсся мимо Хэ Шу на балкон, словно за ним гнался злой дух.

Да ты шутишь, братец.

У Хэ Шу дёрнулось веко, и в памяти внезапно всплыли традиционные заявления Дуань Чэнханя о своей натуральности, сделанные им сегодня в шашлычной.

Уж не... Неужели этот прямой мужик даже при виде полуголого мужчины испытывает отвращение? Блин, этот человек и впрямь не собирается отставать.

Моя фигура просто великолепна, и если ты не способен ею восхититься — это твои проблемы!

Хэ Шу взял чистую одежду и снова ушел в ванную. Он и сам не понимал, почему чувствует себя не в своей тарелке, но во всяком случае переодеваться в комнате ему не хотелось — хотя бы для того, чтобы ненароком не вытошнить этого натурста. Размышляя об этом, он почувствовал легкое раздражение. Черт побери его деда, почему в прошлой жизни он был таким слепцом? Ведь отвращение Дуань Чэнханя было заметно издавна, а он все равно таскался за ним хвостом.

Просто поражаюсь собственной глупости.

Тем временем Дуань Чэнхань смотрел на непрерывно бегущую в раковине воду и медленно поднял широкую ладонь.

Вспомнив то, что он только что видел, он раздраженно нахмурился, и в груди внезапно вспыхнуло беспричинное пламя. Смелости у него прибавилось, что ли? Стоило разъехаться на два месяца, как совсем от рук отбился!

Хэ Шу такой бледный, да еще и одевается кое-как. Неужели в университетском общежитии можно пуститься во все тяжкие и ходить в непотребном виде?

Просто глаза режет, смотреть противно.

Дуань Чэнхань сурово посмотрел на снова закрывшуюся дверь туалета. Нет, так дело не пойдет, его нужно хорошенько перевоспитать.

Поэтому, когда Хэ Шу снова вышел из ванной, Дуань Чэнхань с бесстрастным выражением лица уже сидел на среднем стуле и принялся нравоучительно отчитывать его: — Хэ Шу, с

сегодняшнего дня ты будешь придерживаться прежних правил: в общежитии запрещено ходить без одежды.

Хэ Шу: ?

У этого парня с головой не все в порядке? Что значит без одежды? Я же просто один раз забыл взять вещи!

И к тому же, что это за покровительственный тон сопляка... Неужели в прошлый раз он еще не наигрался в учителя?

Честно говоря, когда он принимал решение изменить выбор при поступлении, он твердо решил не идти по проторенной дорожке прошлой жизни.

Наверное, его симпатия к Дуань Чэнханю уже не была столь сильной: стоило спасть пелене влюбленности, как недостатки этого человека обнажились во всей красе.

Из-за этого теперь, чем дольше он смотрел на Дуань Чэнхана, тем сильнее чувствовал от этого глупого мажора невыносимый отцовский душок.

Ему везде нужно сунуть свой нос.

Грудь Хэ Шу пару раз вздымалась, но он молчал.

Вообще-то он не умел сдерживать свой нрав, но перед Дуань Чэнханем почему-то никогда не мог по-настоящему расслабиться, чаще всего держась настороже.

Хэ Шу не смел по-настоящему обругать его: во-первых, сказала многолетняя привычка, в которой к тому же теплилась капелька жалости. А во-вторых, он боялся, что этот пёс Дуань одним взмахом ноги превратит его в калеку — если дело дойдет до драки, мышцы на теле пса Дуаня были накачаны не просто так.

Поэтому Хэ Шу решил просто делать вид, что не слышит его собачьего лая. Сейчас ему уже было нечего терять: раз уж Дуань Чэнхань досконально проверил всю его жизнь с самого детства, а он сам решил все отпустить, притворяться послушным мальчиком больше не было никакой нужды.

Хэ Шу решил пустить его слова мимо ушей и неторопливо полез на кровать, как вдруг почувствовал, что лодыжку обдало теплом — Дуань Чэнхань неизвестно когда подскочил к нему и схватил за ногу: — Хэ Шу, что это значит? — Дуань Чэнхань нахмурился, глядя на него с некоторым недоверием. — Я сейчас великодушно закрываю глаза на то, что ты сбежал, а ты еще начал нос задирать? Я с тобой разговариваю, а ты делаешь вид, что не слышишь, да?

?

Хэ Шу опешил. Какой еще нос он задирал?

Он просто не хотел общаться с Дуань Чэнханем. В конце концов, его амплуа сменилось с прилипчивого и послушного питомца на независимого главного героя, пережившего перерождение. Не мог же он и дальше стелиться перед ним, как в прошлой жизни!

И если говорить откровенно, раньше Хэ Шу охотно угождал Дуань Чэнханю отчасти из-за денег — а уж чего-чего, а денег у этих мажоров было вдоволь, и стоило им лишь слегка приоткрыть кошелек, как Хэ Шу мог позволить себе купить массу вещей; а отчасти — из-за тела самого Дуань Чэнханя, поскольку он был слегка помешан на любви. Но нынешний он? Какие только бури и штормы ему не довелось повидать!

Мало того, что он уже дорос до возраста, когда может сам зарабатывать на жизнь подработками, так он еще и сможет завести знакомства с новыми парнями в университете. Он считал, что в определенных кругах парни его типа пользуются спросом, с какой стати ему продолжать облизываться на этого сопляка крашеного?

Просто курам на смех. Хэ Шу уже вдоволь нализался: в прошлой жизни он до самой смерти оставался нецелованным девственником. В этот раз, начав всё сначала, он абсолютно точно не собирался становиться воздержанным аскетом — он хотел крутить романы, он хотел найти себе мужчину!

Что же до Дуань Чэнханя...

Пусть катится на все четыре стороны.

Хэ Шу сейчас вообще о нём не думал. Правда.

Натуралы лишь замедлят его путь к плотским утехам.

К тому же он осознал, что сегодня в обед вёл себя слишком трусливо. Хотя сейчас у него тело восемнадцати-девятнадцатилетнего парня, внутри-то он уже зрелый мужчина двадцати трёх — двадцати четырёх лет. Он не боялся тягот взрослой жизни, так с чего вдруг ему бояться этого сопляка Дуань Чэнханя?

— Да с чего ты взяло, что я ломаюсь? Я просто говорить не хочу, полежать немного хочу, — Хэ Шу подавил нарастающее внутри раздражение, слегка дрыгнул ногой — ему безумно хотелось кого-нибудь пнуть.

Дуань Чэнхань всё это время пристально смотрел на него и, разумеется, не упустил его пренебрежительной мимики:

— ...И что это сейчас по-твоему значит? Считаешь, что ты только что ревел белугой, опозорился, а теперь свалился спать?

— ...

Не умеешь говорить — помолчи, ладно? Кто это тут ревел белугой?

Хэ Шу чувствовал, что его нынешняя поза была одновременно и неловкой, и утомительной, однако он не смел продолжать карабкаться вверх: если разозлить этого внучонка Дуань Чэнханя, тот ведь реально мог стянуть его вниз, и тогда он распластался бы лягушкой на полу, а болело бы всё у него самого.

— Я сегодня таскал вещи, делал уборку, немного устал... Пстой, а ты чего ещё не ушёл?..

— Я, как и ты, живу в общежитии. Куда мне идти?

Хэ Шу замялся:

— Стой, ты что, и правда собираешься учиться здесь?

— А как иначе? Я уже приехал.

Дуань Чэнхань отлично умел менять лица: по крайней мере, в коридоре он держался холодно и глубокомысленно, а сейчас от этой мрачной ледяной ауры не осталось и следа, на губах даже играла лёгкая улыбка. А ведь сегодня в обед он сам думал, что Дуань Чэнхань как минимум пару раз врежет ему, прежде чем всё это закончится.

— Разве ты раньше не говорил, что хочешь в... — Хэ Шу на середине фразы запоздало прикусил губу и переспросил: — Почему ты пришёл именно в Университет А?

Дуань Чэнхань приподнял бровь:

— А сам как думаешь? Ты что, не знаешь, из-за кого я сюда пришёл?

...Учитывая, что в прошлой жизни он пострадал от своей пассивной способности додумывать всё за других, сейчас он действительно не рисковал делать далеко идущие выводы насчёт себя. К тому же, даже если Дуань Чэнхань не мог проглотить эту обиду и специально приплёлся сюда, чтобы поймать его... вряд ли ради этого стоило бросать Пекинский университет... С их-то положением уделат его, какого-то простолюдина, было проще простого.

Затевать ради этого столько хлопот — ради чего?

— Так чего ты в конце концов хочешь? Избить меня для выпуска пара? — с особой искренностью поинтересовался Хэ Шу. Правда, поза у него была на редкость неловкая: он висел на лестнице, задравшись, словно Тарзан, и при этом был вынужден оборачиваться к державшему его за щиколотку Дуань Чэнханю.

Как же хлопотно, но терять лицо никак нельзя.

Дуань Чэнхань усмехнулся и окинул его взглядом с ног до головы:

— Избить? Твоешкалитка выдержит хотя бы один мой пинок?

...Дуань Чэнхань, чего тебе от меня надо?

Хэ Шу мысленно закатил глаза, решив больше не терять времени. Он изо всех сил оттолкнулся ногой и подтянулся ещё на одну ступеньку выше, но кто бы мог подумать, что Дуань Чэнхань не ослабит хватку ни на грамм — пальцы мёртвой хваткой вцепились в его щиколотку и резко дернули так, что нога соскользнула, а Хэ Шу от неожиданности не удержался за перекладину.

— Какого чёрта ты творишь?

Дуань Чэнхань приложил усилие, машинально потирая большим пальцем кожу под рукой:

— Я ещё не договорил, куда ты спешишь?

Казалось, он совершенно не осознавал, что подобные интимные жесты между двумя взрослыми парнями — это как-то неправильно.

У Хэ Шу от этих поглаживаний покраснели все уши, а из макушки едва ли не шёл дым. Вы, натуралы, вообще понимаете значение фразы «мужчинам не подходит касаться друг друга»?! Что творят твои руки?!

Кто разрешал вам, натуралам, так подкатывать?! Кто разрешил?!

Хотя звучит, пожалуй, излишне поэтично, но ему и правда казалось, что место, за которое его ухватил этот пёс Дуань, сейчас вспыхнет пламенем. Кровь в жилах забурлила с невероятной скоростью, напоминая заблудившегося в пустыне путника, который перевалил через бархан и неожиданно обнаружил бескрайний оазис, а затем в каком-то исступлении бросился прямо в реку. Хэ Шу смущенно почесал пылающее ухо, списывая эти ощущения на слишком жаркую погоду, от которой людей так легко бросает в жар. В конце концов, он ведь уже твёрдо решил держаться от Дуань Чэнханя подальше, с чего бы ему вдруг так взволноваться из-за какого-то прикосновения? Ни за что.

Хэ Шу застрял на ступеньках: ни подняться, ни спуститься, а эта Дуаньская Собака всё равно была глуха к человеческой речи. Вид у него был вялый и удручённый — словно пропитанная водой губка, он растерял все свои силы и средства к сопротивлению:

— Так говори уже давай...

Глядя на жалкий вид Хэ Шу, Дуань Чэнхань невольно усмехнулся:

— Спускайся, у меня для тебя кое-что есть.

— Не хочу, спать буду.

Черт, неужели этот голос издал он сам? Почему это прозвучало так, будто он капризничает? Хэ Шу аж передёрнуло от омерзения.

— Живо, — Дуань Чэнхань в отличнейшем настроении хлопнул его по заднице.

— Какого чёрта... — он вовремя осёкся, вспомнив, видимо, что материться нельзя, и с некоторым смущением добавил: — А упругость-то ничего.

Лицо Хэ Шу мгновенно залило краской.

...Ты что творишь, придурок чокнутый?!

Стоило им соприкоснуться хоть на мгновение, как ему тут же стало не по себе.

Ему казалось, что он теперь даже на лестницу подняться не сможет — у него банально не осталось сил вцепиться в перила.

Он подаст в суд! Он возьмет кредит, но засудит его!

Разве это не противозаконно — когда натуралы соблазняют геев?!

С какой стати эти натуралы ведут себя настолько развратно? А мы, истинные геи, вынуждены вести себя тише воды ниже травы — за какие грехи?!

Хэ Шу вспомнил, как трое или четверо натуралов усаживались вместе играть в пирамидку:

стоило тому, кто внизу, чуть шевельнуться, как все начинали раскачиваться и подпрыгивать на ходу. Такая картина вполне могла бы претендовать на первое место в хит-параде разврата юношеских лет.

Когда натуралы шутят, у них нет ни стыда, ни совести, ни каких-либо моральных принципов! Каждый из них даст фору любому настоящему гею.

Они понятия не имеют, что их лёгкое, ненавязчивое кокетство способно обречь любящего их гея на страдания на всю оставшуюся жизнь.

За те годы, что они вместе учились в прошлом их рождении, Дуань Чэнхань не раз вот так развлекался за его счёт, позволяя себе вольности в плане физических контактов.

Лишь на третьем курсе, когда Хэ Шу признался Дуань Чэнханю в чувствах, они оба молчаливо дистанцировались друг от друга на какое-то время, не говоря уже о каких-либо прикосновениях. Позже они вновь стали появляться на одних и тех же мероприятиях лишь благодаря дню рождения Сун Яо. Позже, даже когда внешне их отношения наладились, Дуань Чэнхань уже никогда не позволял себе тех вольностей, что во времена их учебы.

Тогда Хэ Шу даже тайком переживал.

В школьные годы Дуань Чэнхань вечно затевал с ним какие-то мелкие телодвижения, и Хэ Шу наивно полагал, что это — знаки особой, понятной лишь им двоим двусмысленности. К тому же этот пес Дуань, будучи богатеньким мажором второго поколения, никогда ни с кем не встречался. Со временем Хэ Шу начал думать, что это вовсе не безответная любовь: в конце концов, Дуань Чэнхань частенько перепадал ему то какую-нибудь вкусняшку, то забавную безделушку, словно одаривая своей милостью. Разве это не могло ввести в заблуждение?

То, что он принимал за обоюдную тайную страсть, на деле оказалось лишь милостыней, которую бросают бездомному коту. Разве что человек, подкармливающий бродяжку, был невероятно богат, и небрежно брошенная им ветчина была не из дешевых, а дорогой иберийский хамон. Для Дуань Чэнханя это былищие сущие пустяки, но бездомный кот доверчиво вообразил, будто этот человек любит его.

Довольно жалко.

За эти считанные секунды Хэ Шу передумал о многом. Суровая реальность окатила его ледяной водой с макушки до пят, разом гася только что вспыхнувшее пламя в сердце и заставляя кровь застыть в венах.

Он успокоился, а Дуань Чэнхань тем временем даже не заметил произошедших с ним перемен. Схватив Хэ Шу за запястье, он притащил его к столу под своей кроватью и указал на коробку, которую притащил сюда, пока Хэ Шу переодевался: — Распакуй, посмотри.

Хэ Шу послушно разрезал картонную коробку ключом, но стоило ему разглядеть содержимое, как он замер всем телом.

Внутри лежал новейший ноутбук?!

Что за шутки? Хэ Шу долго хлопал глазами, не в силах прийти в себя: — Вещь, которую ты хотел мне отдать, — это вот что?

Дуань Чэнхань пододвинул стул и сел рядом, забавно ущипнув Хэ Шу за белую шею: — Не только это. Еще тут есть телефон, точно такой же, как у меня. Выкинь ты свой старый драндулет, он же тормозит ужасно столько лет.

Слушай, нет... Хэ Шу сейчас совсем потерял нить происходящего...

Разве дело сейчас в том, тормозит его паршивый старый телефон или нет?

<http://bllate.org/book/22251/2327665>